

ХУЛИО КОРТАСАР

---

62. МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.134.2(7/8)

ББК 84 (7Арг)

К69

Серия «Эксклюзивная классика»

Julio Cortázar

62. MODELO PARA ARMAR

Перевод с испанского Е. Лысенко

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Кортасар, Хулио.

К69 62. Модель для сборки : [роман] / Хулио Кортасар; [пер. с исп. Е. Лысенко]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-080210-4

«62. Модель для сборки» — одно из самых необычных произведений Кортасара, истоки которого, по его собственному признанию, следует искать в 62-й главе «Игры в классики». В предисловии к роману автор предлагает читателю самостоятельно сконструировать книгу из произвольно выбранных деталей повествования. Ведь все они — города, люди, чувства — лишь элементы конструктора, из которого можно создать все что угодно. Все, на что у читателя хватит сил, возможностей и фантазии.

УДК 821.134.2(7/8)

ББК 84(7Арг)

© The Estate of Julio Cortázar, 1968

© Перевод. Е. Лысенко, наследники, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Многие читатели, наверно, заметят, что в этом произведении я кое-где преступаю литературные условности. Приведу лишь несколько примеров: аргентинцы у меня то и дело переходят с «вы» на «ты», когда это для них естественно в диалоге; житель Лондона, только недавно бравший уроки французского, вдруг начинает говорить на нем с поразительной беглостью (более того, еще и в переводе на испанский), едва пересек Ла-Манш; география, расположение станций метро, свобода, психология, куклы и время явно перестают быть тем, чем они были под игом Кинары.

Возможно, кое-кому это покажется странным. Таким читателям я хочу заметить, что на том уровне, на котором здесь ведется повествование, уже нельзя говорить, что автор что-то там «преступает»; префикс «пре» здесь следует включить в ряд других префиксов, вращающихся вокруг глагола «ступать»: «наступать», «отступать», «выступать» — все эти понятия равно совме-

стимы с намерениями, высказанными некогда в заключительных абзацах главы 62 «Игры в классики», намерениями, которые объясняют название этой книги и, надеюсь, осуществляются в ее изложении.

Подзаголовок «Модель для сборки» может навести на мысль, что куски повествования, разделенные на страницах интервалами, предлагаются автором как поддающиеся перестановке. Если с некоторыми это и возможно проделать, все же природа задуманной конструкции иная, и она сказывается уже в характере изложения, где повторы и перемещения должны создать ощущение свободы от жесткой причинной связи, но особенно в характере замысла, где еще более настойчиво и властно утверждается простор для комбинаций. Выбор, к которому придет читатель, его личный монтаж элементов повествования — это, во всяком случае, и будет той книгой, которую он захотел прочитать.

— **П**опрошу зáмок с кровью, — сказал толстяк за столиком.

Почему я зашел в ресторан «Полидор»? Почему — если уж заняться вопросами такого рода — купил книгу, которую, вероятно, не буду читать? (Наречие здесь — увертка, ведь мне уже не раз случалось покупать книги с тайной уверенностью, что они навсегда затеряются в моей библиотеке, и все же я их покупал; загадка состоит в самом факте покупки, в мотиве приобретения этой бесполезной собственности.) И, продолжая цепь вопросов, почему, войдя в ресторан «Полидор», я сел за столик в глубине, перед большим зеркалом, иллюзорно удваивавшим тусклое уныние зала? И еще одно звено цепи: почему я заказал бутылку «сильванера»?

(Но последний вопрос оставим на потом: бутылка «сильванера» — это, возможно, одна из фальшивых нот в будущем аккорде, разве что аккорд этот окажется совсем другим и бу-

дет включать в себя бутылку «сильванера», как включит графиню, книгу и только что заказанное толстяком блюдо.)

— Je voudrais un château saignant*, — сказал толстяк за столиком.

Судя по отражению в зеркале, толстяк сидел за соседним столиком, позади Хуана, и поэтому его образ и его голос должны были проделать противоположно направленные пути, чтобы, встретившись, привлечь к себе внезапно обострившееся внимание. (Так же книга в витрине на бульваре Сен-Жермен: внезапный бросок вперед белой обложки «NRF»**, выпад на Хуана, как прежде — образ Элен, а теперь — фраза толстяка за столиком, просившего «зámок с кровью»; как покорное согласие Хуана сесть за этот дурацкий столик в ресторане «Полидор» спиной ко всему миру.)

Конечно, Хуан был единственным посетителем, для которого заказ толстяка имел второй смысл; автоматически, иронически, как умелый переводчик, привыкший мгновенно решать любую переводческую проблему в той борьбе с временем и безмолвием, которую воплощает его кабина при конференц-зале, он построил

---

* Попрошу ростбиф с кровью (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

** «Нувель ревью франсез» — «Новый французский журнал».

ловушку, если слово «ловушка» уместно для констатации того, что *saignant** и *sanglant*** равноценны и что толстяк за столиком заказал «замок с кровью», — во всяком случае, Хуан построил эту ловушку, ничуть не подозревая, что смещение смысла во фразе вдруг заставит сгуститься другие образы, образы из далекого прошлого или нынешнего вечера — книгу или графиню, образ Элен, покорное его согласие сесть спиной к залу за столик в глубине ресторана «Полидор». (И заказать бутылку «сильванера», и пить первый бокал охлажденного вина в тот момент, когда образ толстяка в зеркале и его голос, шедший из-за спины Хуана, разрешились в то, что Хуан не мог назвать, ибо слова «цепь» или «сгусток» были всего лишь попыткой локализовать на уровне речи нечто, проявлявшееся как мгновенное противоречие, нечто, обретавшее форму и одновременно растворявшееся, и это уже не могло быть выражено членораздельной речью кого бы то ни было, даже столь опытного переводчика, как Хуан.)

Во всяком случае, ни к чему было усложнять. Толстяк за столиком заказал «кровавый замок», его голос вызвал к бытию другие образы, особенно ярко книгу и графиню, чуть менее ярко — образ Элен (быть может, потому, что он был ближе, не то что более привычным, но более

---

* с кровью, кровоточащий (*фр.*).

** кровавый (*фр.*).

неотъемлемым в повседневной жизни, тогда как книга была чем-то новым, а графиня — воспоминанием, впрочем, воспоминанием необычным, ведь дело шло не столько о графине, сколько о фрау Марте и о том, что случилось в Вене, в «Гостинице венгерского короля», но тогда, в последнюю минуту, все стало графией, и, в конце концов, господствующим образом и прежде была графиня, образом не менее ярким, чем книга или фраза толстяка или аромат «сильванера»).

«Надо признать, что у меня особый талант праздновать сочельник», — подумал Хуан, наливая себе второй бокал в ожидании hors d'oeuvres*. Неким подступом к тому, что с ним произошло, была дверь ресторана «Полидор», решение — внезапное и с сознанием его нелепости — открыть эту дверь и поужинать в этом унылом зале. Почему я вошел в ресторан «Полидор», почему купил книгу и раскрыл ее наугад и, тоже наугад, прочитал первую попавшуюся фразу за секунду до того, как толстяк заказал полусырой ростбиф? Если я попытаюсь это проанализировать, я как бы все свалю в хозяйственную сумку и непоправимо искажу. Самое большее — я могу пытаться повторить в терминах мысли то, что происходило в другой «зоне», могу стараться отделить то, что вошло в этот внезапный сгусток

---

* закуски (фр.).

по праву, от того, что другие мои ассоциации могли включить в него как нечто паразитарное.

Но *в глубине души* я знаю, что все — ложь, что я уже отделился от того, что со мною только что произошло, и, как уже не раз бывало, все сведется к тщетному желанию понять, возможно упуская призыв или тайный сигнал от самой сути, ту тревогу, в которую она меня повергает, то мгновенное явление какого-то иного порядка, куда прорываются воспоминания, скрытые силы и сигналы, чтобы создать ослепительную единую вспышку, меркнушую в тот самый миг, когда она меня убивает и выбивает из меня самого. Сейчас от всего этого осталось лишь чувство любопытства, исконное человеческое желание: понять. Да еще спазм в устье желудка, тайная уверенность, что именно там, а не в логическом упрощении начинается и пролегает нужный путь.

Ясно, что этого мало; в общем, надо мыслить, а значит, нужен анализ, нужно отделить то, что действительно составляет этот вне-временной миг, от того, что в него привносятся ассоциации, чтобы приблизить его к тебе, сделать больше твоим, перенести по сю сторону. Но совсем худо придется, когда ты попытаешься рассказать об этом другим. Всегда ведь наступает минута, когда надо попытаться рассказать одному из друзей, к примеру Поланко или Калаку или всем сразу за столиком в «Клюни», возможно надеясь в душе, что са-

мый факт рассказа вырвет опять из небытия тот сгусток, придаст ему наконец какой-то смысл. И будут они сидеть и слушать тебя, будет там также Элен, тебе будут задавать вопросы, стараясь помочь вспомнить, словно есть смысл в воспоминании, лишенном той особой силы, которая в ресторане «Полидор» сумела снять его свойства минувшего, явить его тебе как нечто живое и угрожающее, как воспоминание, сорвавшееся со своей привязи во времени, чтобы *быть* в тот самый миг, когда оно вновь исчезает, чтобы стать некой особой формой жизни, настоящим, но в другом измерении, силой, действующей по другой траектории. Однако слова не находились, потому что не было мысли, способной охватить эту силу, превращающую обрывки воспоминаний, отдельные, бессмысленные образы во внезапно слившийся в единое целое умопомрачительный сгусток, в живое созвездие, аннигилирующее в момент своего явления, — этакое противоречие, как бы утверждающее и одновременно отрицающее то, что Хуан, пьющий сейчас второй бокал «сильванера», будет впоследствии рассказывать Калаку, Телль, Элен, когда встретится с ними за столиком в «Клюни», и что теперь ему надо хоть как-то освоить, словно сама попытка фиксировать это воспоминание не доказывала, что это бесполезно, что он лишь разбрасывает темные мазки по непроглядному мраку.

* * *

«Да, это так», — подумал Хуан со вздохом, и во вздохе было приятие того, что все шло «с той стороны», происходило в диафрагме, в легких, нуждавшихся в большом глотке воздуха. Да, это так, но надо же и продумать — ведь в конце-то концов он и есть *это* плюс его мысль, он не может остановиться на вздохе, на спазме солнечного сплетения, на смутном страхе перед явленным ему. А думать было бесполезно, было похоже на отчаянные попытки вспомнить сон, от которого, когда открываешь глаза, ловишь только какие-то последние ниточки; думать, пожалуй, означало бы уничтожать узоры, еще маячащие на чем-то вроде оборотной стороны чувства, уничтожать возможность их повторного явления. Закрывать глаза, расслабиться, отдаться на волю наплывающих волн с готовностью ожидания. Нет, бесполезно, и всегда было бесполезно; из химерических тех сфер возвращаешься обедневшим, еще более отчужденным от себя самого. Однако мыслить, охотиться за смыслом по крайней мере помогало вернуться по сю сторону — итак, толстяк за столиком заказал «кровоавый замок», и внезапно возникли графиня, причина, побудившая его усесться перед зеркалом в ресторане «Полидор», книжка, купленная на бульваре Сен-Жермен и раскрытая наугад, ослепительный сгусток (и разумеется, также

Элен), уплотнившийся и тут же исчезнувший по непонятному его свойству отрицать себя в самом утверждении, расплываться, едва уплотнившись, представляться чем-то незначительным, ранив насмерть, внушать, что это не имеет никакого значения, что это лишь игра ассоциаций — зеркало, и воспоминание, и еще другое воспоминание — мелкие шалости праздного воображения. «Э, нет, я не дам тебе так уйти, — подумал Хуан, — вряд ли придется мне еще когда-нибудь оказаться средоточием того, что приходит с той стороны, и заодно быть как бы выброшенным из самого себя. Нет, ты не уйдешь так легко, что-нибудь да останется в моих руках, ты, маленький василиск, один из образов, о которых я уже не могу сказать, участвовали они или нет в этом беззвучном взрыве...» И он не мог подавить улыбки, вчуже и сардонически наблюдая, как его мысль уже подбирается к жердочке с маленьким василиском — вполне понятной ассоциации, связанной с Basiliskenhause* в Вене и тамошней графией... Все прочее наплывало, не встречая сопротивления, — было совсем не трудно найти опору в дыре, образовавшейся где-то в центре исчезнувшей мгновенной заполненности, явления, тут же сметенного отрицанием и скрывшегося, чтобы эту дыру заполнять удобно складывающейся системой близких образов, связанных с нею хронологически или эмо-

---

* Дом с василиском (нем.).

ционально. Думать о василиске означало думать одновременно об Элен и о графине, но думать о графине было все равно что думать о фрау Марте, о крике, ведь служаночки графинины наверняка кричали в подвалах на Блютгассе, и графине наверняка нравилось, что они кричат, а если бы они не кричали, у крови не было бы того аромата гелиотропов и прибрежных болот.

Наливая себе еще бокал «сильванера», Хуан поднял глаза к зеркалу. Толстяк за столиком развернул «Франс суар», и буквы заголовков во всю страницу были в зеркальном отражении похожи на буквы русского алфавита. Хуан с напряжением расшифровал несколько слов, смутно надеясь, что в момент этой нарочитой сосредоточенности — которая была также желанием отвлечься, попыткой снова увидеть изначальную дыру, куда ускользнула звезда с верткими лучами, — если он сконцентрирует внимание на какой-нибудь чепухе вроде расшифровки заголовков «Франс суар» в зеркале и заодно отвлечется от действительно для него важного, тогда из еще мерцающей ауры вновь воссияет во всей своей нетронутости созвездие и осядет в зоне по ту или по сю сторону речи или образов, испуская прозрачные свои лучи, рисуя изящный очерк лица, которое вместе с тем будет брошью с крошечным василиском, а тот — разбитой куклой в шкафу, заодно стоном отчаяния и площадью, пересекаемой бессчетными трамваями,

и фрау Мартой у борта баржи. Быть может, теперь, полуприкрыв глаза, ему удастся подменить образ зеркала, эту пограничную территорию между призраком ресторана «Полидор» и другим призраком, который исчез, но чье эхо еще вибрирует; возможно, теперь он смог бы перейти от русских букв в зеркале к той, другой речи, возникшей на грани восприятия, к той подстреленной, уже отчаявшейся в бегстве птице, бьющей крыльями по силкам и придающей им свою форму, некий синтез силков и птицы, и само бегство будет в какой-то миг пленником в парадоксальной попытке уйти из силков, схвативших его мельчайшими звеньями в миг своего распада: графиня, книга, незнакомец, заказавший «кровавый замок», баржа на заре, стук падающей на пол и разбивающейся куклы.

Русские буквы все еще отражаются, колеблясь в руках толстяка, сообщая новости дня, как впоследствии в «зоне» («Клюни», какой-нибудь перекресток, канал Сен-Мартен — все это тоже «зона») придется приступить к рассказу, придется что-то сообщить, потому что все они ждут, когда ты начнешь рассказывать, этот всегда беспокойный и чуть враждебный в начале рассказа кружок; как бы там ни было, все ждут, когда ты приступишь к рассказу в «зоне», в любом месте «зоны», неизвестно, где именно, потому что «зона» бывает в разных местах, и в разные вечера, и с

разными друзьями — Телль и Остин, Элен и Поланко, и Селия, и Калак, и Николь; также и им в иные вечера выпадает явиться в «зону» с новостями из Города, и тогда уже твой черед быть участником кружка, жадно дожидаящегося, чтобы тот, другой, приступил к рассказу, ведь, как бы там ни было, в «зоне» словно ощущается дружелюбная и вместе с тем агрессивная потребность не терять связи, знать, что с кем происходит, а почти всегда ведь происходит что-то, имеющее значение для всех: например, когда они видят сны, или сообщают новости из Города, или возвращаются из поездки и опять появляются в «зоне» (вечерами это почти всегда «Клюни», общая территория за столиком в кафе, но также может быть постель, или *sleeping-car**, или машина, мчащаяся из Венеции в Мантую), в «зоне» вездесущей и вместе с тем ограниченной, похожей на них самих, на Марраста и на Николь, на Селию, на мсье Окса и на фрау Марту, в «зоне», находящейся иногда и в Городе, и в самой же «зоне», некоем сооружении из слов, где все происходит с такой же яркостью, как в жизни каждого из них вне «зоны». И поэтому вокруг Хуана как бы дышит жадно слушающий кружок, хотя никого из них сейчас нет возле него, вспоминающего их в ресторане «Полидор»,

---

* спальный вагон (*англ.*).